

СТЕПАНОВ Ю. С.

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ: ЛЕКСИЧЕСКИЕ  
ВХОЖДЕНИЯ В СТРУКТУРНЫЕ СХЕМЫ \*

В настоящее время мы уже не представляем себе древнее индоевропейское, или протоиндоевропейское, предложение как нечто простое и примитивное по сравнению с современным. Напротив, мы обнаруживаем в нем своеобразные, зачастую «экзотические» отношения синтаксиса со словарем, сложное синтаксическое согласование и утонченные правила референции. Не менее сложен и аппарат, с помощью которого предложения описывают. Формальные трансформации и «порождения», не простые сами по себе, все более усложняются введением «лексического компонента», семантических преобразований и т. д. И, наконец, историческая картина, динамика развития, открывающаяся перед исследователем при реконструкции предложения, ставит его перед дополнительными трудностями, поскольку, согласно современным данным, мы застаем протоиндоевропейское предложение на этапе перестройки от древнего «активного» строя к современному номинативно-аккузативному. Тем не менее, в итоге этого все усложняющегося процесса исследования вырисовывается гораздо более ясная, чем десятилетие назад, и, в сущности, простая в своей принципиальной организации картина протоиндоевропейского предложения.

Эту картину можно резюмировать следующим образом. Протоиндоевропейское простое (в синтаксическом смысле) предложение описывается сочетанием двух параметров: а) некоторым, сравнительно небольшим, набором структурно-семантических схем [синтаксических моделей, формальных моделей, пропозициональных функций (все данные термины — синонимы, принадлежащие разным системам описания)]; б) наборами лексем, занимающих места предикатов и актантов в каждой из структурных схем, что и называется лексическими входами (lexical entries). Несколько структурных схем, каждая со своим специфическим набором лексических вхождений, образуют так называемые главные типы простого индоевропейского предложения.

Для более полной картины требуется введение третьего параметра — в) описания взаимодействия главных типов, приводящего к появлению новых синтаксических конструкций. Имеются два основных вида таких взаимодействий. Во-первых, это взаимные отношения между структурными схемами, т. е. отношения формально-синтаксические, описываемые обычно как «трансформации». Во-вторых, это взаимные отношения между типами предложений, возникающие через лексические вхождения в них (один класс лексем входит одновременно в два разных типа предложений и т. д.), — то, что мы называем «перифразами». В то время как отношения трансформаций, в общем, одни и те же для всех индоевропейских языков

\* В основе этой статьи лежит расширенный вариант доклада, прочитанного на Советско-американском симпозиуме по сравнительно-историческому языкознанию в ноябре 1986 г. в Университете штата Техас (г. Остин, США)

и многих индоевропейских (в особенности, если это языки номинативно-аккузативного строя), отношения перифразирования национально специфичны даже в пределах индоевропейской семьи. В них отражаются зависимости между строем предложения и членением словаря, специфическая лексикализация каждого языка и т. д. Отношения перифразирования являются в настоящее время центральной проблемой синтаксической реконструкции. Лексические вхождения — ядро этой проблемы, им главным образом и посвящена настоящая статья. Что касается перифраз, то здесь будет затронут только один, но достаточно интересный их тип, позволяющий по-новому взглянуть на проблему происхождения и -е. перфекта и меди.

Остановимся очень кратко на некоторых этапах истории вопроса, или, точнее, двух вопросов — реконструкции структурных схем и реконструкции лексических вхождений, поскольку то и другое до последнего времени представляли собой по существу не связанные линии исследования.

Что касается структурных схем предложения, то еще в 1901 г. в фундаментальной статье объемом в одну страницу [1] Х. К. Уленбек обосновал тезис о том, что исторически засвидетельствованной системе падежей предшествовала в протоиндоевропейском другая система, с двумя основными падежами. Х. К. Уленбек назвал их «активом» и «пассивом». «Актив» был падежом действующего лица, агенса, т. е. падежом субъекта при активном глаголе. «Пассив» был падежом пациенса, т. е. безразлично лица или вещи — объекта при активном глаголе и субъекта при неактивном. В своей реконструкции Х. К. Уленбек исходил из фактов морфологии: в и.-е. языках номинатив и аккузатив существительных среднего рода совпадает по форме во всех числах — единственном, двойственном и множественном. Поэтому напрашивается предположение, что ранее эти формы имели не значение номинатива и аккузатива, а какое-то более общее значение, а именно представляли собой «пассив», падеж пациенса. Ниже мы будем исходить из этих положений.

Предлагаемая здесь реконструкция не является максимально дальней, какая возможна при использовании сравнительно-исторического метода. Такая реконструкция выдвинута в ряде работ Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова (см. [2] и др.) Согласно последней, прото-и.-е. язык восстанавливается как язык активного строя, возможно, с вкраплениями эргативных явлений. Условно назовем этот дальний этап — «этапом Гамкрелидзе — Иванова». Реконструируемый нами этап — столь же условно назовем его «этапом Уленбека» — следующий по времени, более близкий к настоящему, возможно даже следующий не непосредственно, а через некоторый промежуточный период. Содержание рассматриваемого нами «этапа Уленбека», совпадает с распадом активного строя, прежде всего присущих ему именных и глагольных классификаций (таксономий) и связанных с ними морфологических черт, и началом формирования видозалоговой системы балто-славянских и, по-видимому, греко-арийских языков. Приходящий на смену активному строю языка новый строй является номинативно-аккузативным [по иной терминологии: номинативным, еще иначе: аккузативным (применительно к типологии все эти термины — синонимы; впрочем, некоторые авторы применяют термин «аккузативные языки» для выделения языков со специфической организацией синтаксического дополнения, таких, например, как урало-алтайские)].

Будучи морфологической, реконструкция Х. К. Уленбека имела важные последствия для реконструкции прото-и.-е. синтаксиса. Из нее прямо вытекало (самим Х. К. Уленбеком не сформулированное) утверждение

о том, что на определенном этапе существовали по крайней мере следующие три резко различных типа предложений.

I т и п: Неактивный субъект (вещь) + неактивный глагол; показатель субъекта «нуль» или *-m* — в основах на *-o* (скр. *yugóm*, греч. ζυγον); пример: «Снег тает», «Камень лежит, торчит». (В семантической записи, в кавычках, на русском языке этот язык является не языком иллюстрации, а метаязыком, с помощью которого записываются типы предложений.)

II т и п: Активный субъект (человек или подобное человеку) + активный глагол; показатель субъекта *-s*; пример: «Человек идет», «Медведь лежит», «Ветер дует».

Если глагол в типах I и II выглядит в семантической записи на русском языке одним и тем же, то это значит лишь то, что этот язык не имеет средств различить два соответствующих действия своими лексемами (здесь: камень и медведь лежат неодинаково), и в семантической записи мы различаем их цифровыми индексами как семантические дублиеты. В работе Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, где фундаментально обоснована гипотеза об «активном прошлом» прото-и.-е. языка, реконструирован и пробный список таких дублиетов, в количестве  $4 \times 2 = 8$  единиц: семантемы «быть», «лежать», «стоять», «сидеть». Согласно этой реконструкции, «лежать» в активном классе представлено и.-е. корнем *\*ses-* «лежать, спать» (хет. *šeš-zi* 3-е л. ед. ч. «спит», др.-инд. *sásti* «спит»); «лежать» в неактивном классе — и.-е. *k̑[h]ej-* «лежать» (хет. *kitta[ri]* 3-е л. ед. ч. медиа «лежит», др.-инд. *sate* «лежит», греч. *εἶται* «лежит») [2, с. 295].

III т и п: Активный субъект + активный глагол + неактивный объект; показатель субъекта *-s*, показатель объекта «нуль» или *-m* в основах на *-o*; пример: «Человек кладет камень», «Медведь кладет камень».

Для языков развитого номинативно-аккузативного строя полный набор типов, т. е. теоретически возможных сочетаний субъекта, глагола и объекта, очевидно, таков (звездочками отмечены типы, представленные слабо, в той или иной мере дефектные):

- I тип: Неактивный субъект + глагол;
- II тип: Активный субъект + глагол;
- III тип: Активный субъект + глагол + {неактивный объект};
- \*IV тип: Активный субъект + глагол + активный объект;
- \*\*V тип: Неактивный субъект + глагол + неактивный объект;
- \*\*\*VI тип: Неактивный субъект + глагол + активный объект.

Первые четыре структурно-семантические схемы, описанные по признакам «активность — неактивность», мы называем главными типами прото-и.-е. предложения (major sentence types). Выработкой этого понятия заключается, если говорить очень кратко, история вопроса по первой из названных линий.

Что касается второй линии исследований — лексических вхождений в предложение, то они не стали еще постоянным предметом индоевропейских штудий. Кроме нескольких списков лексем, главным образом глаголов, установленных в работах В. В. Иванова и Т. В. Гамкрелидзе (один из таких списков приведен выше), можно указать на пионерскую и едва ли не единственную работу У. Лемана — главу «Лексические вхождения», в его книге о протоиндоевропейском синтаксисе 1974 г. [3], где рассматриваются различные производные от и.-е. корня *\*er-* (в авторском обозначении *\*yer-*) «двигать» в соответствии с различными синтаксическими позициями. Лексические вхождения как система являются предметом настоящей статьи.

Именно лексическими вхождениями определяются в конечном счете различия типов предложений и объясняется дефектность IV, V и VI типов. VI тип, исторически явно более новый, представлен в и.-е. языках главным образом в поэтической речи. Достаточно указать в этой связи известное правило латинского языка: если абстрактное имя оказывается подлежащим при переходном глаголе — например, *Necessitas me subigit* (Plautus, Pseud. 7) «Необходимость меня побуждает», — то это обычно свидетельствует о персонификации понятия, служит признаком высокого стиля или пародии на него [4]. V тип [ср. такие предложения, как русск. *Молния зажигает сарай, Снег завалил дороги*, в некоторых разновидностях близкие к VI типу (*Стрела ранит врага*)] — вопреки мнению А. А. Шахматова [5] — исторически также довольно молодой. Как показал Ж. Одри [6], всякий номинатив неактивного субъекта в значении инструмента восходит к инструменталису, т. е. к типу «Молнией зажигает сарай», «Стрелой ранен воин». IV тип, например, «Воин убивает врага», хотя и входит в число главных типов, имеет специфические ограничения (см. ниже). Таким образом, не все теоретически возможные типы равно представлены в древних и.-е. языках, а следовательно, и в протоиндоевропейском.

Главной закономерностью, препятствующей равномерной реализации всех типов, является, как можно заключить уже из сказанного выше, тенденция к запрету некоторых типов лексем в некоторых синтаксических позициях. Эта тенденция проявляется прежде всего как запрет на «абстрактные» субъекты в сочетании с «конкретными» объектами. Тенденция носит в некоторой части; универсальный характер, а в некоторой является специфически индоевропейской. По своей способности занимать позицию субъекта в и.-е. предложении имена располагаются в следующую иерархию (в порядке убывания этой способности): лексемы, означающие лиц/людей вообще/животных/растения/вещи/абстрактные объекты (типа «необходимость») (см. подробнее [7]). При этом иерархия исторически расширяется: в древних и.-е. языках она ограничена левой частью и с течением времени продвигается вправо. Мы обратили внимание на эту закономерность еще в 1961 г. [8], а в настоящее время ее можно определенно связать с перестройкой и.-е. языков от активного строя, характеризующегося резким противопоставлением активных и неактивных сущностей, прежде всего людей и вещей, к строю номинативно-аккузативному, в котором эти противопоставления и одновременно ограничения на позицию субъекта устраняются. При указанном подходе иерархия описывается как последовательно именная, лексическая.

Очень интересные результаты дал другой подход — совместное исследование именных и местоименных вхождений и их общая иерархизация. Первоначально этот подход вообще не связывался с проблемой лексических вхождений и рассматривался как проблема истории местоимений. Насколько нам известно, в индоевропейистике он впервые был четко сформулирован А. Н. Савченко в 1984 г.: местоимения и имена в прото-и.-е. языке (на определенном этапе его развития) в своем склонении составляют две различные системы, основанные на совершенно разных принципах: местоименное склонение образовано в большинстве случаев двумя разными основами, имеющими значения прямого и косвенного падежей (система, характерная для номинативно-аккузативного строя), в то время как именное «склонение» основано на противопоставлении не падежей, а активной и неактивной форм (система, характерная для активного строя) [9]. А. Н. Савченко связал эту индоевропейскую особенность с аналогичными чертами языков иных семей (в его представлении, «ностратиче-

ских») и тем самым показал ее типологически повторяющийся, а возможно, и универсальный характер.

На индоевропейском материале в русле того же подхода еще ранее было проведено исследование М. Сильверстейна [10]. Материалом наблюдений австралийского лингвиста были явления так называемой «расщепленной эргативности» (*split ergativity*), т. е. такие случаи, когда одни синтаксические конструкции оформляются по эргативному типу, а другие, в том же самом языке, по номинативно-аккузативному типу (американо-индейский язык чинук, австралийский дирбал). (Подобные явления отмечены также в грузинском, пушту и мн. др.) М. Сильверстейн отказался от понятия «грамматическое, т. е. морфологическое, подлежащее (*surface subject*)», поскольку это понятие не константное, а вариативное, зависящее от строения той или иной именной группы в предложении (ср. аналогичный отказ в советской лингвистике [7, с. 337]). Он расположил потенциальные субъекты действий в единую иерархию, включив в нее не только имена объектов действительности, но и обозначения участников речевого акта, соответственно местоимения. Иерархия такова (слева направо; знаки + или — означают соответственно наличие или отсутствие данного семантического признака): *+tu/—tu/+ego/—ego/* + собственное имя / — собственное имя / + общее имя, обозначающее человека / — общее имя, обозначающее человека / + одушевленное / — одушевленное / ... и т. д. По М. Сильверстейну, иерархия начинается с *tu* (латинское обозначение для «ты»), поскольку, по его мнению, это наиболее относительное понятие, создаваемое только в акте речи, тогда как *ego* («я») предшествует акту речи. Приложив эту иерархию к своему материалу, автор пришел к очень важному выводу: именные группы в вершине иерархии обнаруживают номинативно-аккузативную маркировку падежей (этот вывод совпадает с независимо позже полученным выводом А. Н. Савченко), в то время как именные группы в нижней части иерархии — эргативно-абсолютивную систему. Срединная часть часто бывает занята номинативно-дательными конструкциями.

Все эти данные существенно дополняют представления о собственно лексических и о местоименных вхождениях в прото-и.-е. предложение. Помимо этого, из накопленных наблюдений можно извлечь важный методический принцип. Поскольку иерархия подвижна, а в и.-е. языках границы субъектных вхождений к тому же расширяются, постольку главные типы предложений, определенные выше, на разных этапах истории предстают с различным лексическим наполнением (в чем и состоит их расширение, пересечение, вообще — перифразирование в указанном смысле этого термина). Необходимо поэтому для первого этапа реконструкции определить понятие «тип предложения» более жестко. Используемое для этого ограничение мы назовем принципом минимализации: на начальном этапе реконструкции необходимо рассматривать лишь минимальные классы лексем, вхождения которых (как целых классов) необходимы и достаточны для определения типа, т. е. конституируют сами типы предложений и отличают их друг от друга.

Мы должны, следовательно, иметь гипотезу о том, какие имена существительные и какие глаголы, применительно к прото-и.-е. языку, отвечают семантическим признакам «активный — неактивный», поскольку именно эти признаки лежат в основе классификации. Как известно, однозначные представления об этом среди индоевропейцев отсутствуют. Опуская из-за недостатка места историю вопроса, сформулируем нашу гипотезу. Она состоит из двух отдельных частей — семантического представления ак-

тантов предложений, прежде всего субъектов, и семантического представления предикатов.

Применительно к актантам (прежде всего субъектам) признак «неактивный» означает «вещь, тело» или «подобный вещи, телу». Этот признак устанавливает именно минимальное соответствие между позицией субъекта и лексическим классом, способным выступать в этой позиции. Противопоставленный семантический признак «активный» может означать «растение», «животное», «человек» или их сумму, т. е. «все, обладающее активным, самостоятельным началом, жизненным циклом». Признак «активный» применительно к прото-и.-е. языку является менее определенным, вариативным и подвижным. [Этому соответствует, в частности, и то, что имена неактивных существей, например, «вода», восходят к одному и тому же корню в разных и.-е. языках, тогда как наименования соответствующей активной сущности («вода как активное начало» и др.) более разнообразны и представлены разными корнями в разных частях индоевропейского ареала.] В общем, изложенное здесь семантическое представление довольно традиционно, оно отвечает теории «одушевленного — неодушевленного» родов А. Мейе, К. Бругмана, Б. Дельбрюка и др.

Применительно к предикатам (т. е. прежде всего к глаголам) наша точка зрения более оригинальна. При том же условии минимальности (т. е. рассматриваются лишь классы лексем, минимально необходимые и достаточные для существования данных типов предложений): 1) предикатам I типа соответствуют глаголы *perfecta tantum*, точнее — глаголы, которые в языке Гомера составляют группу *perfecta tantum* со значением «состояния тела», и их внегреческие соответствия (например, *πέτρῃς* «воткнуто, торчит», ср. лат. *pāgus* «межевой столб»; 2) предикатам II типа соответствуют глаголы и.-е. *activa tantum* (например, скр. *jigāti* «идет», греч. *βαίω, βάσκω* «тот же»<sup>1</sup> и т. д.). Мы обращаем, следовательно, внимание прежде всего на группы «*tantum*». (Группа *media tantum* подробно рассматривается ниже).

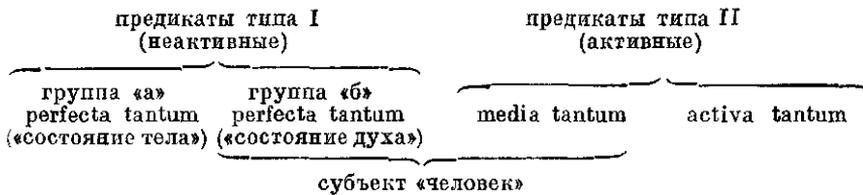
Уже самые поверхностные наблюдения над распределением лексики в главных типах предложений (а это, согласно общей гипотезе, древнейшие типы) обнаруживают примечательный факт: классификация предложений по субъектам и классификация тех же предложений по предикатам совпадают лишь частично. Это выражается прежде всего в том, что тип II (активные предложения) может иметь субъектом «активную сущность» («человек», «зверь», «ветер», «река», «вода как активное начало», «огонь как активное начало» и т. п.), и в этом случае его предикат — обычно глагол из класса *activa tantum*. Но в этом же типе II субъектом может быть подчеркнуто человеческая «активная сущность», именно и только «человек», и тогда предикатом выступает, по-видимому, преимущественно глагол из класса *media tantum*. (Показательные детали о связи медиального залого с одушевленным субъектом приведены в работе М. М. Гухман [11].)

С другой стороны, в классе *perfecta tantum* в языке Гомера и в их внегреческих соответствиях имеются не только глаголы, обозначающие «состояния тела», но и глаголы, обозначающие «состояния духа», т. е. состояния чисто человеческие (назовем первые группой «а», вторые группой «б»); в группе «б» синонимичной лексемой довольно часто оказывается глагол из сферы медиа, а иногда и *media tantum* (ср., например, семантемы «радоваться» — греч. *γαύωμαι*, лат. *gaudeo* — с депонентным, т. е. медио-

<sup>1</sup> В соответствии с традицией, древнегреческие и некоторые другие глаголы приводятся в форме 1-го л. ед. ч., а их русский перевод в форме 3-го л. ед. ч. или инфинитива, за исключением тех случаев, когда различие лиц значимо для семантики лексемы.

пассивным, перфектом *gávīsus sum*; «бояться» — греч. *δειδία*, арм. *erkñčim* — с меднопассивным аористом *erkeay* и т. п.).

Неполное совпадение классификаций предложений по субъектам и по предикатам может быть разюмировано следующей схемой:



Этот обнаруженный нами факт несовпадения классификаций можно объяснить, по-видимому, одной из двух причин. С одной стороны, его можно объяснить более общим явлением, описанным Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым [12, с. 16; 2, с. 312], — переходом прото-п.-е. языка от активного строя к номинативно-аккузативному. Это преобразование, как отмечают указанные авторы, выразилось в переносе доминантной классификации из сферы имени в сферу глагола. При этом процессе бинарная классификация имен на активные и неактивные начинает терять ясные очертания, но зато глагол приобретает четкое разделение по бинарному принципу транзитивности — интранзитивности. В таком случае в отмеченном нами факте можно видеть отражение периода перехода и сосуществования обеих классификаций.

Возможно, однако, и иное объяснение — вмешательством «возмущающего фактора», нарушающего стройность существовавшей в языке бинарной классификации по принципу активности — неактивности. Этим фактором могло быть становление категории «одушевленность, личность». Ведь отмеченное несовпадение классификаций наиболее отчетливо проступает как раз при субъекте «человек, лицо» и его противопоставлении всем другим активным субъектам. Балто-славянский материал — становление категории одушевленности в славянском именном склонении и параллельное этому становление двух глагольных диатез, активно-каузативной и неактивной, в балтийском (литов. *Bernas merkia linus* «Парень мочит лен» — *Linai mirksta* «Лен мокнет») является, по-видимому, аргументом в пользу второго объяснения. Не исключено, впрочем, что оба объяснения могут быть в конечном счете совмещены.

Рассмотрим теперь лексические вхождения в главные типы предложений в деталях.

\*

I тип: Неактивный субъект + неактивный глагол («Камень лежит, торчит»). Как уже сказано выше, минимальный класс предикатов в этом типе реконструируется как лексемы, соответствующие гомеровским *perfecta tantum* со значением «состояние тела». Некоторые основные семантемы таковы: 1) «быть воткнутым, торчать»: греч. *πέγυγε*, *πάγος* м. р. «скала», лат. *repigit* «он воткнул», *pāgus* м. р. «межевой столб, вежа»; 2) «гореть, пылать»: греч. *δέδηγε*, скр. *dagdha-*, литов. *dėga* «горит» и «жжет»; 3) «цвести, быть в цвету»: греч. *τέθηλε*, презенс *βάλλω* (наличие презенса не противоречит рассмотрению этого глагола в группе *perfecta tantum*, поскольку этот презенс имеет статус «только презенса» — семантического ответвления перфекта), арм. *dalar* «зелень,

трава», аяб. *dal* «расти»; 4) «быть возникшим»: греч. ὄρωρ, хет. *ar-* «прибывать, достигать», лат. дэпон. *orior* «подниматься, возникать, происходить из чего.-л.», скр. *γῆόλι* «поднимается, двигается»; в некоторых языках производные аффиксальные глаголы от этого корня имеют активное значение: хет. *ar-nu-* «приносить, доставлять», греч. ὄρωμι «устраиваться, бросаться» и др. К этому же ряду семантем следует отнести некоторые прилагательные: 5) гомер. *κόλος* «безрогий, комолый (о скоте); со сломанным острием (о копье)», вероятно, от предикатива «быть битым, увечным», родственно русск. *кол, колоть*, литов. *knólas* «кол» и др. (Подробнее о гомеровских *perfecta tantum* см. в работе И. А. Перельмутера [13].)

В отдельных и.-е. языках соответствующие лексемы отражены как небольшие компактные группы глаголов с аномальными парадигмами.

В германском это группа перфекто-презентов, точнее — часть этой группы, соответствующая перфектам «состояние тела» (гот. *ga-mot* «он имеет место, разрешение», *daug* «полезно», *ga-nah* «достаточно», *tag* «могу», *aih* «владею», *skal* «должен»). Другую часть германских перфекто-презентов составляют глаголы со значением «состояние духа» (ср. [14]).

В армянском, как мы полагаем, это группа из пяти глаголов на *-em*, имеющих аномальную основу аориста на *-ac*<sup>c</sup> вместо *-eac*<sup>c</sup>. Помимо этой черты формы, всю группу объединяет семантика — это глаголы состояния, имеющие либо только перфектное, либо только презентное значение (как и в германском, здесь объединены «состояния тела» и «состояния духа»): 1) *gitem* «знаю», ср. и.-е. \**yoid-* // \**uid-*; 2) *asem* «говорю», и.-е. \**ǵǵ-* // \**ǵǵ-* [15], греч. ἄνωγα «я приказал» — перфект со значением презенса, лат. *aio* < \**ǵǵ-io* «говорю», *ad-agium* «пословица», арм. *ař-ac* «пословица» [16, I, с. 115]; 3) *karem* «могу», без надежной этимологии, но, судя по значению, перфекто-презент; 4) *mart<sup>c</sup>em* «могу, умею», вероятно, тот же корень, что в *mart-nč<sup>c</sup>-im* «сражаюсь, борюсь», ср. греч. μάρ-να-μαι «борюсь», только презент: к семантическому соотношению «борюсь» и «могу» ср. аналогичное литов. *galėti* «мочь» — *galėtis* «бороться (особ. врукопашную)»; 5) *merkem* «раздеваю, оголяю»; вариант этого глагола *merkanam* имеет то же строение, что и упомянутое выше греч. μάρναμαι; корень арм. *merk-* соответствует и.-е. \**merǵ<sup>h</sup>-ro*, греч. γυμνός «голый», литов. *nūogas* «то же» [16, I, с. 333]; параллелью к этому армянскому глаголу служит литов. *nūogti* — глагол двух парадигм: 1) перех. *nūogti nūogia nūogė* «бирать, обижать»; 2) неперех. *nūogti nūogsta nūogo* «всего лишиться, остаться голым». К той же армянской группе, из пяти глаголов, вопреки форме, мы относим 6) *gom* «я есмь», у которого только презентная основа, восходящая к и.-е. перфекту \**uos-*, ср. греч. ᾶ *ἦσα* эпич. аор. «проводить время», др.-инд. *vásati* «то же» [16, I, с. 25]. (О сходной трактовке этой арм. группы (но без *merkem*) см. в работе [41]).

В литовском это также компактная группа, состоящая, однако, из нескольких различных аномальных парадигм: с одной стороны, парадигмы типа *magėti māga magėjo* «хотеться», соответствующая упомянутому выше гот. *tag*; с другой стороны, глаголы двух парадигм типа *nūogti* и др.

В русском языке это «категория состояния»: ср. *кол*, прямо соотносимое с рассмотренным выше греч. *κόλος*, и соответствующий предикат «категории состояния» — *колко*, *Мне колко*, также *Мне больно*, *смешно*, *холодно*, *жарко*, *горько*, *сладко* и т. п. В этих русских семантемах глагол часто имеет две различные переходные парадигмы — «активную» и «неактивную», что соответствует в литовском типу *nūogti* (см. выше): русск. *рвать*, *рыть* (др.-русс. *рѣвати*, *рыти*) (того же корня, что греч. ὄρωρ и др.), 1) активный перех. *Я рву цветы*, 2) неактивный перех. *Меня рвет*.

II тип: Активный субъект + активный глагол («Человек идет», «Ветер дует»). Предикатами этого типа, согласно нашей гипотезе, выступают глаголы и.-е. группы *activa tantum*. Б. Дельбрюк достаточно полно обрисовал эту группу на основании совпадения показаний двух языков — греческого и древнеиндийского [17]. (в следующем ниже списке семантемы и лексемы совпадают, поскольку Б. Дельбрюк учитывал только этимологические соответствия): 1) «идти»: скр. *jigāti*, греч. βᾱσκω, βαίνω, авест. *jasaiti*; 2) «гнуть, гнуться»: скр. *bhujati*, греч. φέρω «бежать», семантическое соотношение между «гнуть(ся)» и «бежать» остается неразъясненным; 3) «дрожать, пугаться, спастись бегством, бежать»: скр. *trāsati*, греч. τρέω; 4) «ползти»: скр. *sārpati*, греч. ερπω; 5) «дуть»: скр. *vāti*, греч. πνι, ср. русск. *веять* (др.-рус. *вѣяти* (1) акт. неперех. «дуть», (2) акт. перех. «веять зерно», 6) «есть»: скр. *āti*, греч. ἔδω; 7) «пить»: скр. *pibati*, сюда же греч. πίνω, не вполне идентичное с скр. *pibati*, но восходящее к аналогичной форме; 8) «жить»: скр. *jīvati*, греч. ζάω, ζῶω, 9) «быть»: скр. *āsti*, греч. εἰμί (в настоящее время исконная принадлежность глагола «быть» к группе активных глаголов подвергнута сомнению; по-видимому, глагол имел исконно медиальную форму (ср. [18]), и др. лексем).

Вопреки самому Б. Дельбрюку и Э. Бенвенисту [19], это довольно разнообразная по семантике группа поддается некоторому семантическому обобщению: все глаголы здесь означают движения и основные жизненные проявления «активных существей», — если не выделять из них особо сущность «человек». Таким образом, это обобщение полностью отвечает нашей типологии предложений.

Э. Бенвенист, как известно, предложил другое обобщение: «В активном залоге глаголы означают процесс, который исходит из субъекта и развивается вовне» [19, с. 188]. Однако вряд ли эту формулировку можно назвать семантической. Сомнение на этот счет высказано также И. А. Перельмутером: «Нельзя, впрочем, полностью исключить и возможность того, что рассматриваемая нами связь имеет только синтаксический характер, что формулировка „действие замыкается в сфере субъекта“ (характеристика медиа, противопоставленная Э. Бенвенистом характеристике актива. — С. Ю.) представляет собой в данном случае чисто словесную транспозицию в семантическую область синтаксического явления — интранзитивности» [20, с. 129]. Скорее всего, формулировка Э. Бенвениста — это не синтаксическая и не семантическая характеристика актива (и, соответственно, противопоставленная ей — медиа), а характеристика абстрактно-семнологическая, поскольку ею указывается просто отличие актива от медиа как от иного класса форм (наподобие, например, различия между типами склонений), но не устанавливаются явные отношения классов форм к явлениям внешнего мира, в чем и состоит сущность семантики. Но каково бы ни было обобщение, предложенное Э. Бенвенистом, с ним трудно согласиться по существу: если еще можно представить себе процессы «дуть», «течь» и т. п. как «протекающие вне субъекта», то трудно приложить этот признак к «ползти», «есть», «пить».

Но другая черта и.-е. *activa tantum* подмечена Э. Бенвенистом удачно: «„быть“, так же как „идти“ и „течь“, представляет собой процесс, участие субъекта в котором не обязательно» [19]. Действительно, глаголы, принадлежащие к этой группе, представляют собой как бы постоянные, родовые характеристики активных существей, независимые от их волевых уси-

лий: чтобы быть тем, что они есть, они должны «жить», «ходить» (или «ползть»), вода должна «течь», ветер «дуть», солнце и огонь «жечь» и т. д. В сущности, «ветер» есть «то, что дует», «вода» — «то, что течет», «огонь» — «то, что жжет» (но не «горит»: «гореть» может и сжигаемый огнем предмет; «гореть» относится к неактивному классу предикатов), «змея» есть «то, что ползает», все «живое», есть «то, что живет».

Отсюда вытекают два важных следствия (подробное рассмотрение которых мы здесь опускаем). Во-первых, имена активных существей (типа «огонь как активное начало», противопоставленное «неактивному огню» — первое от корня п.-е. \**igni-*, второе от корня и.-е. \**pe<sub>2</sub>-ur-* с чередованием -r // -n), возможно, являются не первичными именами и даже не именами в подлинном смысле слова, а извлечениями из соответствующих предикатов, «номинализациями предикатов». (В то время как парные к ним именования неактивных «огня», «воды» и т. п. являются, действительно, первичными.) В таком случае известная теория о дублетных, или парных, понятиях типа «активный огонь» — «неактивный огонь» и т. д., разделяемая многими индоевропейцами — А. Мейе, Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым [2, с. 274] и др., нуждалась бы в уточнении. Во-вторых, делается понятной еще одна черта названных предикатов: они особенно часто дают предложения с устраненным субъектом, типа русск. (*Здесь дует; Морозит; Без шапки голову напечет; Весь день льет* и т. п.

III тип: Активный субъект + глагол + неактивный объект («Человек кладет камень»). Для этого типа предложения реконструируются с одинаковой вероятностью два источника, которые, возможно, действовали одновременно (подобно тому, как в этимологии слова часто обнаруживаются два независимых этимона).

Первый путь — из I (неактивного) типа предложений. Он реконструируется (в другом контексте реконструкции) Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Ивановым следующим образом. Если прото-и.-е. язык на древнейшем этапе был языком активного строя, то предложение типа «Человек кладет камень» должно было иметь в нем специфические особенности. Поскольку здесь актант-субъект активный, а актант-объект неактивный, то структура предиката — в типологическом соответствии со строением предложений этого типа в активных языках — должна была содержать показатель неактивного актанта, объекта. Этим показателем, согласно реконструкции Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, является элемент -e, — тот же самый, который выступает показателем предиката (как предиката-глагола, так и предиката-имени) в типе предложения «Камень лежит» (по нашей классификации, в I типе). Позднее этот показатель стал флексией 3-го л. ед. ч. медио-перфекта -e и вошел в ряд флексий перфекта: 1-е л. ед. ч. -*Ha*, 2-е л. ед. ч. -*i<sup>h</sup>* *Ha*, 3-е л. ед. ч. -e [2, с. 297—298]. Таким образом, с точки зрения этой реконструкции должно получиться, что предложение типа «Человек кладет камень» развивается из типа «Человеком камень лежит», а это последнее из типа «Камень лежит», — посредством введения актанта-субъекта. Этот путь можно, до некоторой степени, условно, назвать путем развития «изнутри предложения».

Есть, однако, основания предполагать и второй путь возникновения предложений III типа «Человек кладет камень» — «извне предложения», т. е. из соединения двух соседствующих в тексте простых предложений в одно сложное: «Человек кладет» (предложение активного II типа) +

+ «Камень лежит» (предложение неактивного I типа) → «Человек кладет камень» (предложение III типа). Этот путь мы назовем *сериальным*, в силу его типологического сходства с известными конструкциями языков Юго-Восточной Азии, китайского и вьетнамского, и ряда языков Африки. Так, например, во вьетнамском: «разбить чашку»: «бить» + «разбиться, быть разбитым» + «чашка» (*đánh + vỡ + chén*); в африканском языке акан: «сыпать в воду зерно»: «нести» + «сыпать, лить» + «зерно» + «плыть» (*he + fe + kwe + oke*), т. е. «Я сыплю зерно» = «Я несу и сыплю» + «Зерно плывет». (Относительно самого термина «серийная конструкция» следует заметить, что многие исследователи применяют его ограничительно: только к односубъектным сериям в языках Африки, типа «Я несу + я сыплю»; но для такого ограничения нет оснований. Под понятие серийной конструкции очевидно подводятся также индоевропейские аналитические каузативы типа франц. *laisser tomber* «ронять» = «позволить» + «упасть».) Непосредственные следы этого пути развития наблюдаются в IV типе и.-е. предложения (см. ниже). Наличие такого пути заставляют предполагать и балтийские диатезы глагола наиболее архаического типа, т. е. развитие парных глаголов из одного корня с аблаутными чередованиями. Ср. приведенный выше пример: *Bernas merkia* «Парень мочит» (глагол активной или активно-каузативной диатезы) + *Linai mirksta* «Лен мокнет» (глагол непереходной, неактивной, медиальной диатезы) → *Bernas merkia linus* «Парень мочит лен».

При этом пути развития неактивный актанта-объект (типа «лен» в приведенном примере) первоначально должен был просто примыкать к глаголу-предикату активного предложения. Следы этого, действительно, обнаруживаются. В очень многих случаях, как показала А. В. Десницкая, в древнегреческом аккузатив может рассматриваться и как обстоятельство винительный при непереходном глаголе, и как винительный прямого дополнения при переходном глаголе, в особенности при медиальной форме двудиатезных, активно-медиальных глаголов (медиальная форма, как мы уже отмечали, особенно часто ассоциируется с субъектом «человек»). Например: при глаголе ζώνωσι//ζώνουσι (акт.//мед.) «окопоясываться» ζώσατο δέ ζώνῃ (Ил. 14, 181) «окопоясалась поясом (по поясу, в отношении пояса)» — обстоятельство, или «подпоясала себе пояс» — прямое дополнение [21, с. 101]. Следовательно, глаголы-предикаты II (активного) типа предложений с течением времени могли развивать при себе прямое дополнение, преобразуя в него примыкающей «прото-аккузатив» и сами превращаясь при этом в переходные.

Этот путь (как и указанный выше «первый» путь из реконструкции Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова) также находит типологические параллели в языках активного строя. В этих языках в таких предложениях, как «Собака змею укусила», субъектом будет имя, соотносящееся с личным аффиксом активного класса в составе глагола-сказуемого, в данном случае имя «собака»; напротив, имя ближайшего объекта, в данном случае «змея», инкорпорируется без показателя в состав сказуемого. Этот тип предложения отвечает «второму» пути индоевропейского предложения. Но в тех же языках активного строя предложения такого же характера могут оформляться и иначе: ближайший объект, здесь «змея», соотносится с инактивным аффиксом глагола-сказуемого в словоформе активного глагола [22]. Последний тип предложения отвечает «первому» пути индоевропейского предложения.

Все эти наблюдения, в особенности наличие «второго» пути, подводят к тому, чтобы принять за исторически первичный тип предикатов в пред-

ложениях III типа («Человек кладет камень») двудиазные глаголы, — глаголы с меной диатез актив — медий.

Однако этим предварительным определением очерчивается еще очень широкий круг глаголов, так как мена диатез засвидетельствована в весьма разнообразных комбинациях, В весьма полном описании И. А. Перельмутера для древнегреческого [20, с. 114—129] насчитывается 12—13 различных типов соотношений актив — медий. (Автор не учитывает, впрочем, параметра «субъект глагола», введение которого, с одной стороны, еще увеличивает количество групп соотношений актив — медий, но, с другой стороны, существенно упрощает картину.) Применяя принцип минимализации (см. выше), из всех этих групп мы отбираем лишь тот их вид, который соответствует самому определению III типа предложений, является конституирующим для него. Таким видом соотношения актив — медий является следующий: глагол в активе означает воздействие активного субъекта на неактивный, вещный объект, глагол в медию (особенно в аористе медию) означает состояние вешного объекта, возбужденное этим воздействием, типа *Дождь мочит* (актив) — *Сено мокнет* или: *намокло* (медий). В этом соотношении, в отличие от закономерности, отмеченной выше для *media tantum*, выражение «глагол в медию» следует понимать применительно не ко всем формам медию в равной степени, а главным образом применительно к аористам, которые часто синонимичны с формами архаического «активного непереходного» и медиального перфекта; в отличие от *media tantum* эти формы медию связаны, по-видимому, особенно тесно как раз не с субъектом «человек», а с субъектом «вещь». Многие формы актива в таких парах являются позднейшими, подстроеными к первоначальным формам медию для выражения каузативного значения: *σῆραι* «гниль» → *σῆρω* «гноить», как *ὀρχίζομαι* «танцевать» → *ὀρχέω* «заставлять танцевать».

Балтийские примеры упомянутого типа можно найти в общих грамматиках. Приведем некоторые греческие примеры: 1) *σῆρω* «гною» — аор. *ἐσάτην* (с кратким α) «(оно) загнило», перф. второй неперех. *σέστηκα* «(оно) сгнило»; 2) *καίω* «жгу, зажигаю» — аор. *ἐκάτην* «(оно) загорелось». аор. арх. *ἐκαυα* «то же», перф. гомер. *κῆαυτο*, перф. мед. *κέκαυμαι* «(оно) сгорело»; 3) *πίμπλημι* «наполняю» — аор. второй мед. *ἐπλήητο* эпич. 3-е л. мн. ч. *πλήητο* «(оно, они) наполнились», перф. пасс. *πέπλημαι, πέπλησμαι* и др.

В силу особенностей указанного выше «второго» пути развития в этом типе предложений можно ожидать надежных аномалий по линии номинатив — аккузатив. Возможно, что именно это следует видеть в таких предложениях, как литов. *Sienas* (именит. п.) *lįja* «Сено (им. п.) заливает» в значении обычного *Sieną* (винит. п.) *lįja* «Сено (вин. п.) заливает (дождем)».

\*

IV тип: Активный субъект + глагол + активный объект. Семантическим (не грамматическим и не лексическим) примером этого протоиндоевропейского типа предложения служит современное русское «Человек, воин убивает врага». Он ставит исследователя перед лицом многих сложностей. Существо их заключается в трудности, — а может быть, и в невозможности — реконструировать этот тип предложения для того (а именно, переходного) этапа прото-и.-е. языка, который условно можно назвать «этапом Уленбека».

На первый взгляд может показаться, что причина трудностей — в ограниченности базы реконструкции, просто в том, что обозначения актив-

ных сущностей, людей, типа «человек», «враг» и т. п. как объектов в предложении или вообще не попадают в круг языковых явлений, охваченных реконструкцией Х. К. Уленбека, или их дистрибуция в ее рамках неясна. Действительно, например, основы на \*-o часто принадлежат именам неактивного класса (ср. \*pedo- «след ноги» при имени активного класса \*ped- «нога»). Однако, с другой стороны, имена зверей активного класса типа «волк» — также исконные основы на \*-o. Столь же недостаточно в этом отношении освещено положение основ на -ā, \*-ē (в частности в балтославянском) и т. д. Состав активного класса имен, его подклассы, членение и т. д., как уже было сказано выше, до сих пор недостаточно исследованы.

Тем не менее при реконструкции предложения эти трудности можно было бы обойти, т. к. для реконструкции достаточно, как уже было показано, «минимализованных» лексических вхождений. Можно было бы и в данном случае ограничиться примером лексем, заведомо принадлежащих к основам на \*-o, например, «волк», и одновременно принадлежащих к тому классу объектов, на которые человек способен активно воздействовать, например, «убивать». Тогда существование предложения типа IV (ограниченного в этом смысле) не должно было бы вызывать сомнений. Ограниченность базы реконструкции была бы при этом несущественна. Но, как мы увидим ниже, трудности с этим типом предложения связаны не с ограниченностью базы реконструкции, а с существом реконструируемой языковой реальности.

В засвидетельствованной письменностью и.-е. языках имя в позиции объекта оформляется формой аккузатива (формой на \*-m) независимо от принадлежности такого имени к активному или неактивному классу — во всех основах на \*-o, на \*-ā, \*-ē, в части основ на сонант и согласных основ типа \*ped-, а также суффиксальных основ на \*-ter// \*-tor// \*-tr и др. Между тем в реконструкции Х. К. Уленбека, если быть последовательным в ее рамках, показатель \*-m может быть отнесен только к пациенсу, т. е. к неактивному имени в позиции субъекта (в I типе предложений) и объекта (в III типе). Что же касается активного имени в позиции объекта, то, чтобы занять ее, такое имя должно было бы приобрести форму пациенса. Но последняя, как уже было сказано, на «этапе Уленбека» является формой неактивных имен.

Возникает вопрос: в какой форме мог существовать актанта «— врага» (активное имя в позиции объекта) на этом этапе? Ответ на этот вопрос остается неясным. (Неясен он и в реконструкции Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, — авторы вынуждены ввести особое понятие «структурно-синтаксический инактив», в отличие от «первичных, лексически заданных инактивов с постоянными маркерами инактивности» [23]. «Структурно-синтаксический инактив» — это такая (предполагаемая) форма, в которой имя лексического активного класса (например, «человек», «зверь»), постоянно маркированное показателем активности, могло бы выступить в предложении в позиции и н а к т и в н о г о актанта — объекта, пациенса. Такая синтаксическая форма не может быть собственной («классной») формой этого имени, которая как раз запрещает его появление в позиции пациенса. Такая форма не может быть и формой падежа на -m, т. к. последняя образуется позднее, в рамках номинативно-аккузативного строя языка. Что могло бы быть такой предполагаемой формой?

Мы видим только одну, очень отдаленную параллель к искомой форме — хеттские имена на -ant-. Они производятся от имен среднего рода (аналогичного неактивному классу), не могущих появляться в позиции

субъекта при переходном глаголе, т. е. в предложениях типа «Вода разрушила дом». Однако производные имена на *-ant-* не подвергаются этому запрещению и могут выступать в указанной позиции, т. е. становятся «структурно-синтаксическими активами» (например, *wetenant-* «вода — активное при *watar* // *weten-* «вода» — инактивное). Э. Ларош, впервые детально описавший это явление [24], объяснил его именно структурно-синтаксически и уподобил формы на *-ant-* падежу — эргативу. К этой трактовке присоединился ряд исследователей (например, [25]). (Заметим, однако, что, например, Э. Белвенист ее не принял и истолковал открытую Э. Ларошем особенность как факт лексики [26]). Это явление в трактовке Э. Лароша удачно использовано Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым для объяснения того, как слово, принадлежащее к инактивному классу могло быть употреблено в позиции активного актанта (т. е. в III типе предложений по нашей классификации) в форме «структурно-синтаксического актива». По-видимому, оно же послужило аналогом для их предположения о возможности такого же явления, но как бы с обратным знаком, в рассматриваемом IV типе предложений.

Однако в действительности мы не находим не только каких-либо индоевропейских форм, которые можно было бы прямо связать с такими актантами, как «— врага» в IV типе, но не имеем и внеиндоевропейских параллелей к подобному явлению в языках активного строя. Активный актанта в позиции объекта оформляется в этих языках принципиально иными способами (см. выше). Таким образом, как это ни парадоксально, оказывается, как будто бы, что предложение типа IV «Человек, воин убивает врага» не могло существовать на «этапе Уленбека» и заведомо не могло существовать на более ранних этапах прото-и.-е. языка, если это этапы языка активного строя, как они обоснованно реконструируются в работе Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова.

По-видимому, поставленный выше вопрос следует изменить. Вопросом является не «какова могла быть внутренняя конструкция, в частности форма актанта-объекта, в предложении IV типа?», а «какая конструкция могла выполнять семантические функции (быть эквивалентом) этого типа предложения?». Поставленный в таком виде, вопрос, кажется, может получить определенный ответ. Как уже было сказано выше, если следовать реконструкции Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, то восстанавливается конструкция «Человеком камень лежит» в значении «Человек кладет камень» как один из вариантов последнего (нашего типа III). По нашему мнению, именно эта своеобразная конструкция в еще большей степени, чем типу III, присуща IV типу «Человек убивает врага» и, возможно, была единственной формой, в которой этот тип предложения мог существовать на рассматриваемом этапе. Следы этого реально прослеживаются в исторически засвидетельствованных и.-е. языках.

Прежде всего, в качестве таких следов можно рассматривать формы так называемого «супплетивного пассива». Так, в греческое предложение типа «Всадники убили их», трансформируясь в пассив «Они были убиты всадниками», принимает не форму пассива от глагола *κτείνω* «убивать» (хотя соответствующие формы существуют), а форму актива от глагола «умирать» (*ἀποθνήσκω*: *αὐτοὶ γὰρ ἀπέθνησκον ὑπὸ ἰππέων* (Хен. Суг. VII 1, 48), букв. «Сами же они умирали от (рук) всадников». Аналогично этому в хеттском глагол *aki* «он умирает» является пассивом к глаголу *kuen-* «убивать» и означает при таком употреблении «он убиваем». Аналогичные примеры можно привести из других семантических сфер, означающих воздействие одного человека на другого, — «хулить», «хвалить», «изгонять»,

«ставить (назначать)» и т. п. (Особенно хорошо изученных в материале древнегреческого языка.) Такие обороты обычно объяснялись в плане организации лексики, лексически, — как результат табу, запрета на называние убийства и некоторых других физических воздействий, т. е. как явление по своей природе общетипологическое и даже внеязыковое, общепсихологическое. Не отрицая известной роли табу, мы предлагаем, однако, в качестве основного объяснения указанное синтаксическое. В пользу последнего и против табу как единственной причины можно привести целый ряд фактов. Упомянем здесь только некоторые из них. В хеттском имеются каузативные глаголы со значением «губить» к простому глаголу «погибать» (*hark-*) — *harnink*, *harganu-*, не подвергшиеся ни эвфемистической замене, ни замене супплетивным пассивом; в греческом основной глагол этой лексико-семантической группы, *κτείνω* «убивать», имеет, как уже было сказано, нормальный пассив, который, однако, не употребляется в данном типе предложений, и к тому же, как показывает его этимология, уже является эвфемизмом (ср. скр. *ksan-*, *ksanóti* «вредить, ранить» [27]) и т. д.

В качестве другой группы явлений, в которой можно видеть косвенные следы рассматриваемой специфической конструкции («Враг умирает воином»), выступают, по-видимому, каузативные глаголы типа русск. *губить* при простом *гибнуть*. В отличие от каузативных отношений архаического типа, упомянутых выше в связи с III типом предложений, объект этих каузативов не «вещь», в которой возбуждается процесс, а «человек», в котором, если так можно выразиться, возбуждается действие или состояние. В литовском (соответственно, и в латышском) эти глаголы составляют значительную часть каузативов нового морфологического пласта на *-inti*, *-dinti* и, по-видимому, в меньшей степени более старого пласта на *-dyti*. Ср. литов. *žudyti* «губить» при *žūti* «гибнуть», *klaidinti* «делать так, чтобы кто-л. ошибся» при *klūsti* «ошибаться» и т. п. От архаических каузативов типа *meškoti* «мочить» при *miškoti* «мокнуть» (см. выше) они отличаются тем, что корневой аблаут сопровождается в них большим суффиксальным расширением. В синхронной грамматике часть таких каузативов (типа *klaidinti*) выделяется в особую группу, иногда еще более дробно разделяющуюся на глаголы фактитивные (в литовской терминологии *prigėžastiniai veiksmazodžiai* «причинные глаголы») и куративные, или глаголы понудительного залага (в литовской терминологии *paūrinamieji veiksmazodžiai*). Их следует выделять в особую группу и при реконструкции.

С этой группой можно в определенной степени сблизить соответствующую по смыслу группу ведийских каузативов, т. к. они (при том, что весьма существенны их различия в зависимости от формы либо активной, либо медиальной) в тенденции все, по-видимому, тяготеют к тому, чтобы образовывать пары к простым глаголам, означающим действия и состояния человека (скорее, чем вещи). Из около 40 примеров каузативов, приведенных в «Грамматике ведийского языка» Т. Я. Елизаренковой, только шесть означают более или менее определенно действия или процессы, совершающиеся в вещах: *var-* «покрывать», *sar-* «течь», *duṣ-* «портиться», *grī-* «опираться», *śud-* — «точить», *riś-* «сиять» [28] (однако и они так или иначе могут относиться к человеку). По-видимому, именно доминированием этой черты во многих древнеиндийских каузативах объясняется появление таких специфических трансформаций, как скр. *Devadattaḥ pacati odanaṃ* «Девадатта варит рис» → *Pāśuayati odanaṃ Devadattena*, букв. «Он варит рис Девадаттой», «Он делает так, чтобы Д. зарил рис» [29], где сохраняется первоначальный объект простого

глагола — вещь (здесь *рис* при глаголе *варить*), а новый объект каузатива — человек (здесь *Девадатта*) ставится в инструментальном падеже

К этому типу предложений принадлежит, вероятно, и следующий балто-славянский с инструменталисом лица: литов. *Rugius jie savim veža* «Рожь они собой возят», т. е. «на себе (за неимением лошадей)» [30] русск. *Достают невесту собою, а ино и Фоюю* [31], «собою» = «сами»

Образование каузативов такого типа, т. е. с объектом-лицом (иногда при наличии первого объекта-вещи), является, видимо, одним из путей (наряду с «супплетивным пассивом») разрешения трудностей, возникавших при переходе языка от активного строя, где предложения типа IV («Человек убивает врага») в таком виде невозможны, к номинативно-аккузативному строю, где они обычны.

\*

Кратко затронем теперь вопрос о перифразах (в указанном в начале статьи значении этого термина). Перифразы, в частности, можно рассматривать как некоторое расширение минимальных наборов предикатов и/или субъектов, присущих каждому типу предложений. Здесь мы остановимся на одном специфическом виде перифраз — пересечении предикатов, а именно предикатов I и II типов предложений.

В данном случае пересечение состоит в том, что типы I и II, не пересекающиеся в минимальном наборе своих предикатов (это гомеровские *perfecta tantum* «состояние тела» и их внегреческие соответствия у типа I и и.-е. *activa tantum* у типа II), начинают пересекаться при расширении наборов предикатов. Мы полагаем, что это процессы, возникающие не только как методические приемы лингвиста, работающего в области реконструкции, но что некоторые расширения и пересечения этого рода имели место в исторической действительности и что с ними, вероятно, связано происхождение и взаимное отношение и.-е. перфекта и медиа.

Формальные соответствия флексий и.-е. перфекта и медиа, открытые одновременно и независимо Е. Куриловичем и Х. Стангом в 1932 г [32; 33], дали начало одной из постоянных и дискуссионных тем индоевропеистики. Это обстоятельство отодвинуло в тень тот факт, что указанные морфологические соответствия покоятся на реликтах некоторой лексико-семантической группы глаголов, т. е. предикатов некоторых предложений. К этому факту мы и должны вернуться. Мы полагаем, что речь идет о пересекающихся предикатах I и II типов предложений.

Е. Курилович, показывая первоначальное тождество флексий и.-е. медиа и перфекта, исходил из того, что в некоторых глаголах ведийского языка в медиа имеется в имперфекте-аористе окончание 3-го л. ед.ч. *-a* (вместо обычного окончания аориста *-ta*), а в презенсе — окончание 3-го л. ед.ч. *-e* (вместо обычного *-te*). (В настоящее время эта особенность обычно обобщается формулировкой: флексия без дентальных.) Например, от корня *dih-* «идти» первая форма *adiha*, вторая *dihé*. Отсюда, как показал Е. Курилович, следует, что флексия вед. 3-го л. ед.ч. имперфекта-аориста медиа *-a* восходит к флексии 3-го л. ед.ч. перфекта *-e*. Те же глаголы имеют в 3-м л. мн.ч. презенса и имперфекта флексии, содержаще элемент *-r-*, так что в формах имперфекта также прослеживается более древнее перфектное основание флексии. Ни Е. Курилович в упомянутой работе ни Х. Станг, ни последующие исследователи не привели списка таких глаголов, и эта задача, казалось бы незначительная, до сих пор не была выполнена. Между тем по поводу некоторых из форм с упомянутыми особенностями среди индологов имеются разногласия в атрибуции по

категориям, а некоторые формы оцениваются одними исследователями как архаизмы, а другими как инновации.

Др.-инд. глаголы, имеющие флексию без дентальных в презенсе медиа в 3-м л. ед. ч. и/или в -r- в 3-м л. мн. ч., согласно списку Дж. Кардона (составленному в связи с исследованием другой проблемы [34]), следующие:

1) <i>joṣe</i>	«наслаждаться»;	9) <i>hinvé</i>	«приводить в движение»;
2) <i>mahe</i>	«почитать»;	10) <i>invire</i>	«гнать»;
3) <i>stavé</i>	«восхвалять»;	11) <i>ṛivire</i>	«вставать»;
4) <i>cité</i>	«замечать»;	12) <i>pinvire</i>	«жиреть»;
5) <i>duhé</i>	«дойти»;	13) <i>ṣṛṇvé</i>	«слышать»;
6) <i>bruvé</i>	«говорить»;	14) <i>tanvire</i>	«вытягивать»;
7) <i>vidé</i>	«находить»;	15) <i>vr̥ṣjé</i>	«поворачивать»;
8) <i>sunvé</i>	«выжимать»;	16) <i>gṛṇé</i>	«призывать».

К этому списку надо присоединить формы, которые квалифицируются разными авторами по-разному — либо как презенсы, аналогичные приведенным выше, либо как перфекты без удвоения:

17) <i>śáye, śere</i>	«лежать»;
18) <i>īše</i>	«повелевать»;
19) <i>iośé</i>	«быть довольным».

Формы *pinvire, hinvire*, приведенные выше, также некоторыми исследователями определяются как перфекты без удвоения. Наконец, в этот же список мы должны включить еще один глагол — 20) *āste* «сидеть», поскольку его долгий гласный указывает на перфектное происхождение (возможно, от корня \**es-* «быть»), хотя флексия этого глагола целиком нормальная медиальная (т. е. с дентальным) (ср. такую интерпретацию этого глагола, например, в работе [35, с. 299]. Х. Стагг, с другой стороны, также сопоставлял с этой др.-инд. группой хет. *ēša(ri)* «сидит», *media tantum* [33, с. 30].

Вторая морфологическая черта этой группы др.-инд. глаголов — флексия с -r- была детально обследована М. Лойманом, также в другой связи — с точки зрения инноваций древнеиндийского языка [36]. (Работа М. Лоймана Дж. Кардону осталась, по-видимому, неизвестной.) Важнейшие из этих инноваций, согласно М. Лойману, следующие. 1) В комплексе -re, -ire, -rīre в перфекте, -ire в презенсе — *śáye, śere* «лежать» и *duhé, duhre* «дойти» осознаются как глаголы с перфектным значением *vide, vidre* «находить»; тип *ṣṛṇvire* «слушали» служит посредствующим звеном, и появляются более новые перфектные группы, например, *īše. īšire* «повелевать». 2) В комплексе -re, -ra, -ran — имперфект *aśayat, aśeran; śī, śe* «лежать» в греч. и индо-иран. дает прямо сопоставимые формы 3-го л. ед. ч. *κῆται* и *sete*, авест. *sacte*; но в Ригведе имеются и формы без дентальной флексии — 3-е л. ед. ч. *śáye*. ранняя форма 3-го л. мн. ч. *śere* (ав. *sōire, saere*) в Ригведе и Атхарваведе вытеснена формой 3-го л. мн. ч. имперфекта *aśeran*; обе последние формы по их окончаниям осознавались, по-видимому, в индо-иранском как перфекты, подобно лексеме от корня и.-в. \**dhe-* «класть», который в греческом в значении перфекта *τέθηκα* часто заменяется лексемой *κῆται* («положен и) лежит». Прочные группировки флексий 3-го л. ед. ч. -e и 3-го л. мн. ч. -re в перфекте медиа со всеми последствиями для презенса ограничены только двумя корнями — *śī-* «лежать» и *duh-* «дойти»: два других корня — *ved-* «знать» и *īṣ-* «править, повелевать» являются уже подлинными перфектами [36, с. 13].

Из этих наблюдений следует, что общность флексий медиа и перфекта (которую Е. Курилович и Х. Стагг рассматривали «суммарно», на всей

группе глаголов. и при этом морфологически) охватывает два круга — круг инноваций и круг исконных перекрещивающей флексии, — последний, в конечном счете, только два корня с несомненностью — «лежать» и «дойти». Отсюда следует также, что морфологическая общность флексий покоится не только на категориальном сходстве медиа и перфекта (на что в первую очередь обращал внимание Х. Стаинг), но на специфической семантике упомянутых лексем. На этот факт необходимо теперь обратить особое внимание.

Наличие корня со значением «дойти» в этом круге лексем представляет непонятным, что стоит, вероятно, в связи с недостаточной выясненностью этимологии этого корня. Напротив, наличие лексемы «лежать» проливает свет на всю проблему. Группа из трех лексем — «лежать», «сидеть», «вставать» — образует, очевидно, центральную часть в группе из упомянутых выше 21 глагола, — означая основные позы и движения человеческого тела. Основным субъектом этих глаголов является, естественно, человек. Между тем в современных семантических исследованиях установлено, что под понятием «человек», под одним и тем же именем существительным, означающим человека вообще или человека в каком-либо его отдельном проявлении («воин», «охотник», «вождь», «муж» и т.д.), могут скрываться две различные семантические сущности — «человек как тело» (тело человека) и «человек как тело и дух (подлинно активная сущность)». Это различие синтаксически значимо. Как показала А. Вежбицка [37], предложение типа «Человек лежит на кровати» может быть семантически описано как «{Тело человека} лежит на кровати». Но предложение типа «Человек получил диплом университета» не может быть описано таким же образом, но лишь как «{Тело и дух человека} получил диплом университета». Именно это различие является определяющим для семантики описываемой группы из трех глаголов. Означая действие, они относятся к человеку как активной сущности («человек как тело и дух»), — «Человек садится, ложится, встает» = «Человек (как тело и дух) каузирует сесть, лечь, встать свое тело». Означая же результат действия, состояние, они относятся к человеку как неактивной сущности («человек как тело, тело человека») — «Человек сидит, лежит, стоит» = «Тело человека сидит, лежит, стоит». Как глаголы действия эти лексемы спрягаются по парадигме глаголов действия, — поскольку это действия субъекта «человек», — по парадигме медиа. Как глаголы результата действия, состояния, эти лексемы спрягаются по парадигме перфекта. В первом случае они выступают предикатами предложений II типа (активных), во втором случае — предикатами предложений I типа (неактивных). Но одновременно они представляют собой перекрещивание этих предикатов, или, по принятой нами терминологии, их перифразы.

Эта определяющая семантико-синтаксическая черта отражается в деталях морфологии флексий.

1) Вед. *śāye*, *śēte* «лежит» в точности соответствует, как уже было сказано, греч. *καίται*, хет. *kitta(ri)* с тем же значением, но в обоих языках это лексемы *media tantum*;

2) Др.-инд. *āste*, *āste* «сидит» — также *media tantum* и соответствует хет. *eś-* «сидеть», спрягающемуся по парадигме медиопассива, как *media tantum*; это обстоятельство не позволяет согласиться с мнением Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова об исконной принадлежности этой лексеме к «активному ряду форм». *mi*-спряжению [2, с. 195];

3) *ṛbhōti*, *ṛbhāti* «поднимается, двигается», 3-е л.ед.ч. презенса медиа *ṛbhé*, 3-е л.ед.ч. аориста активное *ārat*; сопоставимо с греч. *ὄρωμι* то

же знач., 3-е л. ед. ч. презенса меди *ōrtuṣi*, аорист активный *ōr-ōre*, имеется и аорист медиальный *ōrto*, параллельный др.-инд. *ārta*, а также тематический *ōrto*, параллельный др.-инд. *ārata*; имеются также формы *ōrōṣe* — др.-инд. *ārṣīt* (у грамматиков) [38, с. 96]; др.-инд. корень *-ar-* имеет аблаутные чередования *ar-//ir-* и удвоение перфектного типа: 3-е л. ед. ч. през. актива *iyarti* «двигает, поднимает», последнее выступает и как актив. и как медий, и как каузатив к простому глаголу *ir-*; последний является *med. tant.* (3-е л. ед. ч. презенса *irate*), как и рассмотренный выше *ās-* «сидеть». Ввиду этих особенностей хет. *arnuz(z)i* «приносит, доставляет», прямо сопоставимый с этой группой, следует рассматривать как каузатив (*mi*-спряжения) не только к простому глаголу (*hi*-спряжения) *ar-* «достигнуть, прибыть» [39, § 153], но и к простому глаголу *med. tant. ar-* «стоять, становиться», последний параллельный лат. депонентному *orior, ortus sum* «вставать, начинаться». Корень в греч. *ὄρῳμι*, хет. *arnum, arta*, лат. *ortus*, ввиду соответствия др.-инд. *r̥tā-*, может представлять не ступень *\*or-*, а нулевую ступень [40, с. 824]. Ввиду всех этих соответствий следует скорректировать отнесение Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым корня *\*or-* к «неактивному ряду лексем» в противопоставлении к синонимичному корню *\*st(h)a-* (*\*st<sup>h</sup>laH-*) «стоять», относимому ими к «активному ряду» [2, с. 295].

В системе древнеиндийского языка рассмотренные лексемы (как и другие глаголы из указанной группы числом 21) принадлежат (в основных вариантах) к атематическим основам настоящего времени, у которых было два типа спряжения, соответствующих хеттским спряжениям на *mi-* и на *hi-*. Санскрит обобщил спряжение на *mi-* в активе, в то время как ведийский язык в медиі сохраняет следы этой двойной системы [35, с. 298—299].

Если следовать распределению глагольных форм на «два ряда» — «активные» и «неактивные», как в системе Вяч. Вс. Иванова и Вяч. Вс. Иванова — Т. В. Гамкрелидзе [2, с. 295 и др.], то здесь представлены лексемы обоих этих рядов в смешанном виде, — так, корни *k<sup>h</sup>ei-* «лежать» и *\*or-* «стоять, вставать» принадлежат к неактивному ряду (ср., однако, замечания выше), а корень *\*es-* «сидеть» — к активному.

Со всех точек зрения, группа представляется смешанной и гетерогенной, а потому в своем происхождении и неясной.

Лишь с одной точки зрения она представляется единой и компактной — с точки зрения основных поз человеческого тела как семантико-синтаксической группы, а переkreщивания различных залоговых флексий предстают при этом как полностью регулярные отношения, вызванные принадлежностью этой группы одновременно к составу предикатов I и II типов предложений.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Uhlenbeck C. C. Agens und Patiens im Kasussystem der indogermanischen Sprachen // IF. 1901. XII.
2. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. I—II. Тбилиси, 1984.
3. Lehmann W. P. Proto-Indo-European syntax. Austin — London, 1974. P. 222—237. (2-nd ed. — 1980).
4. Тронский И. М. Очерки из истории латинского языка. М., 1953. С. 134.
5. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Вып. 1—2. Л., 1925. § 128.
6. Haudry J. L'emploi des cas en védique. Introduction à l'étude des cas en indo-euroéenne. Lille, 1978. P. 427.

7. Степанов Ю. С. Морфологические имена и рашти субъектов // ИАН СЛЯ. 1979. № 4.
8. Степанов Ю. С. Подлежащее в старых романских языках (глава из сравнительно-исторического синтаксиса) // Востник МГУ. Историко-филологическая серия. 1961. № 4.
9. Савченко А. П. Древнейшие процессы в области личных местоимений в праиндоевропейском языке // ИАН СЛЯ. 1984. № 6.
10. Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity // Grammatical categories in Australian languages / Ed. by Dixon R. Canberra, 1977.
11. Гузман М. М. Историческая типология и проблема диахронических констант. М., 1981. С. 182—189.
12. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Активная типология праиндоевропейского языка // ИАН СЛЯ. 1984. № 4.
13. Перельмутер И. А. Общиндоевропейский и греческий глагол. Л., 1977. С. 5—30.
14. Бенвенист Э. О некоторых формах развития индоевропейского перфекта // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 145.
15. Джаукян Г. В., Сараджева Л. А., Арутюнян Ц. Р. Очерки по сравнительной лексикологии армянского языка. Ереван, 1983. С. 61.
16. Frisk Hj. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I—III. Heidelberg, 1960—1972.
17. Delbrück V. Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen. 2. Theil. Strassburg, 1897.
18. Bader F. Le présent du verbe *être* en indo-européen // BSLP. 1976. T. 71. Fasc. 4. P. 26.
19. Бенвенист Э. Активный и средний залог в глаголе // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 188.
20. Перельмутер И. А. О функционально-семантических оппозициях активных и медиальных форм древнегреческого глагола (язык аттической прозы) // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л., 1981.
21. Десницкая А. В. Сравнительное языковедение и история языков. Л., 1984.
22. Климов Г. А. Типология языков активного строя. М., 1977. С. 117, 125, 307.
23. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Активная типология языка и происхождение праиндоевропейских именных парадигм // ИАН СЛЯ. 1981. № 2. С. 123—124.
24. Laroche E. Un «ergatif» en indo-européen d'Asie Mineure // BSLP. 1962. T. 57. Fasc. 1.
25. Tschekhoff C. Le double cas-sujet des inanimés: un archaïsme de la syntaxe hittite? // BSLP. 1978. T. 73. Fasc. 1.
26. Benveniste E. Les substantifs en *-ant* du hittite // BSLP. 1962. T. 57. Fasc. 1.
27. Hoffmann K. Vedisch *kṣan-* // Sprachwissenschaftliche Forschungen. Festschrift für J. Knobloch. Innsbruck, 1985.
28. Елизаренкова Т. Я. Грамматика ведийского языка. М., 1982. С. 367—370.
29. Репов Л. Grammaire sanskrite élémentaire. P., 1978. § 102.
30. Jablonskis J. Rinktiniai raštai. T. I. Vilnius, 1957. P. 622.
31. Даль Вл. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. СПб. М., 1882. С. 169.
32. Kuryłowicz J. Les désinences moyennes de l'indo-européen et du hittite // BSLP. 1932. T. 33. Fasc. 1.
33. Stang Chr. S. Perfektum und Medium // NTS. 1932. VI.
34. Cardona G. Rigvedic *śruviṣē* // Language. 1961. V. 37. № 3.
35. Барроу Т. Санскрит. М., 1976.
36. Leumann M. Morphologische Neuerungen im Altindischen Verbalsystem. Amsterdam, 1952.
37. Wierzbicka A. Semantic primitives. Frankfurt-am-Main, 1972.
38. Birwé R. Griechisch-Arische Sprachbeziehungen im Verbalsystem. Wolldorf (Hessen), 1956.
39. Фридрих И. Краткая грамматика хеттского языка. М., 1952.
40. Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. T. I—IV (1, 2). P., 1968—1980.
41. De Lamberterie Ch. // Revue des études arméniennes. 1932. T. 16.